

хов больше других областей народных знаний. Наглядным доказательством этого служит тот огромный круг вопросов, связанных с лечением животных, который рассматривается в книге Х. Аргынбаева. Автор сгруппировал болезни в следующей последовательности: инфекционные болезни; болезни внутренних (органов дыхания и желудочно-кишечного тракта) и внешних органов; переломы и вывихи; случайные болезни; болезни молодняка; заболевания от укусов ядовитых пресмыкающихся и насекомых; болезни, вызванные отравлением животных ядовитыми травами. Подробно описаны и верования казахов, связанные с заболеваниями животных и очень эффективные народные способы почти безошибочной диагностики заболеваний скота. Затем излагаются самые различные народные приемы ветеринарии.

Из многих способов и средств лечения болезней животных обращает на себя внимание смелое и, очевидно, далеко не бесполезное хирургическое вмешательство, широкое применение популярных лекарственных средств (опий, сулема, медный купорос, сера и др.), лекарственных трав (у коргасын, у сойны, итсигек, кара андыз), а также табака, эфедры, полыни, лебеды и др. веществ, изготовляемых из местного сырья (костяной жир, самодельное мыло, древесный уголь и др.); некоторых покупных веществ (жеросин) и продуктов питания (пищевая соль, сахар, кумыс, молоко и др.). Наконец, казахам были знакомы и методы искусственных прививок при оспе у овец и яшуре у коров, эффективность которых доказана не только практикой, но и научной ветеринарией. Не ограничиваясь простым описанием народных методов лечения, автор по возможности оценивает их с точки зрения современной научной ветеринарии. Соответствующая интерпретация дается также обрядам и поверьям казахов, связанным с лечением животных. Х. Аргынбаев подробно описывает обряды, но вместе с тем и разъясняет их бесполезность, а в некоторых случаях и вредность.

Отметим некоторые недостатки, имеющиеся в работе. Так, на стр. 10 автор пишет, что в природно-климатическом отношении Западный Казахстан благоприятен преимущественно для разведения мелкого рогатого скота и верблюдов. Однако казахи, живущие в этих районах, наряду с указанными видами скота имели также довольно значительное поголовье крупного рогатого скота и лошадей. Так, в 1898 г. только в Актауинском уезде насчитывалось 117783 голов крупного рогатого скота (стр. 12). Это немалое количество для одного уезда. Еще больше крупного рогатого скота выращивали казахи, жившие в низовьях Сырдарьи и в Уральской области.

На стр. 11 говорится, что род шекты был расселен в Кызылкумах. Это неточно, шектинцы жили и живут в основном в низовьях Сырдарьи, в районе Казалинска почти до Кызыл-Орды и по северному, северо-западному и восточному побережью Аральского моря.

Х. Аргынбаев выделяет только два вида загонов для скота: открытые и закрытые (см. стр. 46). Нам кажется, что видов загонов (как стационарных, так и временных) у казахов было больше: например, камышовые «калмак кора», войлочные «кийиз кора» и др.

Содержание работы вполне соответствует той цели и задачам, которые ставил перед собой автор. Это серьезное научное исследование, в котором на основе богатого историко-этнографического материала обобщается трудовой опыт казахского народа в области пастбищного кочевового скотоводства; при этом четко разграничиваются рациональные, эффективные и бесполезные, а порой и вредные приемы, имевшие место в дореволюционном скотоводческом хозяйстве казахов.

Нет сомнения, что книга Х. Аргынбаева представляет собой серьезный вклад в изучение агроэтнографии Казахстана и Средней Азии. Как сама монография, так и не вошедшие в нее обширные полевые и архивные материалы, собранные автором, будут положены в основу ряда карт и очерков казахстанского раздела Среднеазиатского регионального историко-этнографического атласа.

Книга имеет и большое научно-практическое значение. Многовековые навыки и опыт казахских скотоводов до настоящего времени широко используются в отгонно-пастбищном животноводстве колхозов, и свод этих народных познаний в книге Х. Аргынбаева безусловно заслуживает внимания работников сельского хозяйства.

Т. А. Жданко, У. Х. Шалекенов

Л. Г. Барага. Белорусская сказка. Минск, 1969.

Первые статьи Л. Г. Барага о белорусских сказках появились больше двадцати лет назад. Они сразу привлекли к себе внимание фольклористов богатством материала и глубиной анализа. С тех пор, несмотря на широту и многообразие научных интересов Л. Г. Барага, белорусская сказка остается в центре его внимания, ей была посвящена и его докторская диссертация, защищенная в октябре 1969 г.

Имя Л. Г. Барага как исследователя белорусской сказки получило особенно широкую известность после выхода в свет в 1967 г. его книги «Belorussische Volksmärchen», выпущенной Берлинским академическим издательством и выдержавшей уже три издания.

Наконец вышел его исследование и на родине тех сказок, которыми он всю жизнь занимается, и на языке тех сказочников, творчество которых он неутомимо собирал в

течение долгих лет: первая его экспедиция, сразу давшая плодотворные результаты, состоялась еще в 1944 г.

То, что Л. Г. Бараг — «полевой» работник, с огромным опытом и большим запасом наблюдений, несомненно благотворно отразилось на его книге, отличающейся глубиной проникновения в живые процессы народного творчества, пониманием особенностей бытования сказки в народе, знанием ее жизни в современности.

В книге затронуты разнообразнейшие, а бы сказала, кардинальные вопросы народного творчества, рассматриваемые на материале белорусских сказок: сказка и общественная жизнь, сказочная героиня, сказочная фантастика и народные верования, изменения традиционного сказочного стиля, судьба сказочной традиции в современности и т. д. Несмотря на эту многотемность книги, вся она пронизана стремлением решить одну основную проблему — выявить, в какой мере содержание и форма традиционных сказок испытывают воздействие социальной действительности. И каждая из глав книги, по-своему богатая материалом, тонкими наблюдениями, оригинальными выводами, прежде всего отвечает на эти вопросы.

Основной книги, которая дала возможность для широких теоретических обобщений, является глава, посвященная сюжетному репертуару (стр. 128—180). Глава эта — результат огромной, чрезвычайно кропотливой работы. В ней сравниваются русские, белорусские и украинские сказки о животных, выясняется, какие именно сюжеты и насколько часто встречаются в репертуаре трех, двух или одного восточнославянских народов. Анализируется также и то, какие из этих сюжетов представлены и в фольклоре других народов, а какие — только в восточнославянском фольклоре.

При этом автор книги приводит исчерпывающие библиографические данные, уточняет сведения русских указателей, указателей известного польского исследователя Кржижановского и американского сказоведа Томпсона.

Все это сделано на основе составленного самим автором указателя и приводит к чрезвычайно весомым выводам об особой роли восточнославянских народов в международном процессе сказочного творчества. Об этом же говорят и результаты сравнительного анализа репертуара белорусских, русских и украинских волшебных сказок. Характеризуются белорусские бытовые и легендарные сказки.

В результате гигантского труда Л. Г. Бараг приходит к выводу, сделанному «не на глазок», а на основе неопровержимых подсчетов и фактов о единстве восточнославянского сказочного эпоса и утверждает, что белорусский сказочный репертуар по своему составу ближе к украинскому, чем к русскому.

Можно только мечтать о том, чтобы Л. Г. Бараг в ближайшее время подарил науке указатель восточнославянских сказок, в котором так остро нуждаются исследователи этого жанра.

К главе о репертуаре по содержанию теснейшим образом примыкает последняя глава исследования, посвященная жизни сказочной традиции в Советской Белоруссии (стр. 227—251). Глава эта могла быть написана только опытным собирателем. Она представляет особую ценность, поскольку о бытовании белорусской сказки и о белорусских сказочниках до сих пор не было специальных исследований; написана она в основном на материале, собранном самим автором и участниками экспедиций, которыми он руководил. Характеризуя жизнь народной сказки в Советской Белоруссии, Л. Г. Бараг рассматривает ее взаимодействие с русской, украинской польской и еврейской сказкой. Очень ценно то, что, не опровергая общепринятого положения относительно затухания сказочной традиции, автор говорит о имеющихся в этом творческом процессе возможностях, которые могут использовать современные сказочники.

На материале белорусской волшебной сказки написана в основном большая глава о традиционном сказочном стиле и его изменениях (стр. 181—227). В ней скрупулезно рассмотрены переходные формулы и типические места, вступительные и заключительные сказочные формулы, повторы, сравнения, метафоры, эпитеты и т. д. Методологически очень ценно, что Л. Г. Бараг рассматривает стилистические особенности сказки как элементы ее целостной художественной структуры. Ему удалось убедительно показать, как в стиле восточнославянских сказок проявляются черты национального своеобразия, их связь с жизнью и языком народа, как под влиянием действительности изменяется традиционный стиль.

В этом же плане в книге показано взаимоотношение сказочной фантастики с народными верованиями (стр. 100—128). На материале белорусских сказок, легенд и быличек убедительно доказано, что взаимодействие сказок и фольклора, непосредственно отражающего народные верования, влияет не только на сюжетную структуру, но и на стиль сказок. Очень тонко прослежен в этой главе сложный процесс трансформации мотивов поверий, быличек и заклинаний в качественно иной сказочный материал, а главное показано, что процесс этот обусловлен историческими условиями и имеет существенное значение для всего хода развития сказочной традиции.

Большое внимание в книге уделено сказочной героинке (стр. 71—100) белорусских сказок и преданий об осилках и волотах, преданий, от которых «...тянутся нити на запад и восток».

Основной пафос книги, идейное кредо ее автора, которое освещает всю работу и придает ей, как я говорила выше, цельность — заключен в главе «Национальная сказка и общественная жизнь» (стр. 26—70). В ней показано, как неразрывно белорусские сказки, записанные в XIX и начале XX в., связаны с жизнью Белоруссии тех лет, как в

них отражены классовые противоречия и их обострение. В этой главе говорится о стремлении белорусских сказочников развить традиционные сюжеты и образы в социально-эпическом плане. Учитывая связь в сказке этического и эстетического начал, Л. Г. Бараг рассматривает особенности репертуара и художественное своеобразие творчества белорусских сказочников и показывает, как идейное содержание сказки связано с ее художественной формой.

Выход книги Л. Г. Барага — значительное событие не только для белорусской фольклористики, но в силу ее обобщающего теоретического характера и для сказковедения в целом.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Ш! Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић. Српски митолошки речник. Београд, 1970, 317 стр.

Сербские этнографы составили и издали чрезвычайно полезный словарь-справочник по верованиям и обрядам своего народа. Вопреки заглавию, здесь собран материал не только по «мифологии» в собственном смысле слова. Как пишут во Введении сами составители, словарь «в своей большей части охватывает многочисленные народные верования, магические действия и элементы культа, имеющие отношение к природе, растениям, животным, небесным телам, атмосферным явлениям, и даже к отдельным предметам, как например цепь, топор и пр., которым приписывается мистическая сила и которые представляют предмет культа или атрибут некоего древнего божества. Охвачены также, — пишут далее составители, — обычаи и верования, связанные с трудом и производством, прежде всего с земледелием и скотоводством, затем множество поверий и религиозных обычаев, относящихся к человеческой жизни от рождения до смерти, где особенно выделяются верования и обычаи культа умерших» (стр. XI). Включены в словарь и поверья, влившиеся в христианский культ, а также легенды, касающиеся исторических личностей.

Объем словаря довольно велик — 310 страниц текста в 2 столбца, не считая Введения и библиографии. Объяснено несколько сотен слов, одни коротко, другие подробнее, некоторые посвящены обстоятельные статьи. Из народных мифологических представлений наиболее содержательны очерки о таких: аждаха, вампир, вештица, вила, дух, душа, мора... Очень солидные статьи посвящены таким религиозно-магическим обрядам и обычаям, как: бадьяк (рождественское полено), бајане (заговоры, главным образом лечебные), божић (Рождество), везиване (магический акт связывания), опасиване (магическое значение опоясывания), жртва (виды жертвоприношений), колац (обрядовый хлеб), колада (святочное колядование), додоле (магический обряд против засухи), полагаженик (первый посетитель на святки или Новый год, приносящий счастье), кумство (кумовство), крсно име (то же, что «слава» — сербский семейный праздник), «дубочке русале» (характерный женский обряд в селе Дубокой, в северо-восточной части Сербии: эстатическо-оргиастические пляски, быть может, слабые отголоски древнего культа Диониса).

Интересны статьи о суеверных представлениях и обрядах, касающихся животных, — волка, змея, орла, пуга и пр., — материальных предметов — огня, воды, цепи и др., наконец, чисел (бројеви); легендарные мотивы об исторических личностях — св. Савы, Милоша Обилича, краљевича Марко.

По поводу целого ряда более или менее неясных или спорных понятий составители словаря приводят существующие в литературе взгляды, — и это очень хорошо. Во многих случаях приводится и сравнительно-этнографический материал — о бытовании сходных поверий или обычаев у других славянских и неславянских народов, и это, конечно, тоже очень хорошо.

Словарь щедро иллюстрирован: фотографии (правда, не очень высокого качества), снимки с музейных экспонатов, рисунки — в том числе сделанные современными художниками по мотивам народных поверий.

Библиография — на разных языках — включает около 120 названий книг и статей. «Речник» в целом производит очень солидное впечатление. Тип издания не совсем новый: подобные хорошие справочники по народным верованиям издавались в Германии, в Польше и в других странах. Но «Српски митолошки речник» выдерживает по научному качеству сравнение с лучшими из них.

Правда, это можно сказать не обо всех статьях. На некоторых лежит печать некоторой спешности, кое-что и спорно. Например, очень сомнительно утверждение, что мифологические образы «вукодлака» и «вампира» по существу тождественны (стр. 83—84): происхождение этих образов совсем неодинаково, ибо вукодлак — это волк-оборотень («вук» — волк, «длака» — шерсть), а вампир (вариант — упырь) — это злой мертвец, выходящий из могилы; другое дело, что эти два разные образа постепенно переплелись и контаминировались.